

ЛИНГВИСТИКА

Т. Б. Агранат

НОМЕНКЛАТУРА ИНГЕРМАНЛАНДИИ: ЭТНОНИМЫ, ЛИНГВОНИМЫ И ТОПОНИМЫ

Рассматриваются номинации трех близкородственных малых прибалтийско-финских языков, распространенных в Ингерманландии – исторической части Ленинградской области, находящихся в длительном контакте друг с другом. Описываются как синхронные, так и исторические названия, прослеживается их происхождение и причины вытеснения одних названий другими и/или сосуществования различных названий одновременно. Исследуются пути изменения и дрейфа названий этносов и их языков. Анализируются исторические источники, словари, фиксирующие разные синхронные срезы, тексты, записанные ранее исследователями этих языков, а также собственные данные автора, полученные при полевой работе с носителями этих идиомов. Помимо номинаций языков, уделяется внимание топонимам Ингерманландии, ситуация с которыми нетривиальна, – все деревни в Ингерманландии имеют по два названия с четким дополнительным распределением: одно употребляется при разговоре на автохтонном языке, другое – при разговоре по-русски. Проводится классификация соотношений прибалтийско-финских и русских топонимов, которые можно разделить на несколько групп: кальки, полукальки, в некоторых парах топонимов к одинаковым топоосновам присоединяются разные топоформанты, часть топонимов заимствована без изменений как в русский, так и из русского языка, в некоторых из них при заимствовании адаптируется фонетика, в некоторых – меняются топоформанты, имеется большая группа пар топонимов, вообще никак не соответствующих друг другу. Делается вывод о том, что сосуществование параллельных топонимов – на автохтонных и русском языках – демонстрирует сохранение этнического самосознания, несмотря на препятствующие этому условия. Малые языки, благодаря неизбежным контактам с соседями, дают обширный материал для исследования путей изменения и дрейфа названий этносов и их языков, позволяют проследить типологию таких изменений.

Ключевые слова: малые языки, этнонимы, лингвонимы, топонимы, водский язык, ижорский язык, язык ингерманландских финнов.

Введение

Ингерманландия (Ижорская земля) – историческое название западной части современной Ленинградской области, между Нарвой и Невой, где в контакте между собой и с русским населением проживают три малочисленных автохтонных этноса: водь, ижорцы и ингерманландские финны – носители близкородственных прибалтийско-финских языков. Речь пойдет об экзо- и эндоэтнонимах и лингвонимах в разные исторические периоды, об их происхождении и причинах вытеснения одних названий другими и/или сосуществовании различных номинаций одновременно. Параллельная номинация характерна и для населенных пунктов Ингерманландии, что также будет обсуждаться в данной работе.

1. Языки и этносы Ингерманландии

1.1. Водь

Древнейшим известным населением этой территории является водь. В прошлом она населяла северо-запад Восточно-Европейской равнины (от южного берега Финского залива на севере до верховьев рек Луга и Плюсса на юге¹ и от р. Нарва на западе до р. Нева на востоке) (Шлыгина, 1994: 126). В XII в. в Ингерманландию пришли ижорцы, а в XVII в. – финны.

¹ Южная водь, обитавшая в районе Гдова, ассимилировалась со славянским населением раньше других, какие-либо сведения об идиоме, на котором она говорила, отсутствуют.

В летописи под 862 г. Нестор называет именем *чудь* прибалтийско-финские племена, в число которых, как считается, входит и *водь*. Тем не менее Е. А. Рябинин пишет, что, по археологическим данным, граница Водской земли с Чудью проходит по реке Систе и ее притоку Суме, а значит, *водь* и *чудь* нельзя отождествлять (Рябинин, 2001: 13).

Впервые *водь* упоминается в Новгородской летописи под 1069 г. Однако Е. А. Рябинин считает, что это упоминание «не может быть интерпретировано ни с географической (отсутствует указание на район проживания), ни с археологической (отсутствуют достоверные синхронные древности) точек зрения. “Вожане” XI в. остаются пока исторической загадкой» (Рябинин, 2001: 11).

Земля, принадлежавшая *води*, вошла в состав Новгородской республики под названием Водская пятина.

Водь участвовала в многочисленных битвах на стороне Новгорода, и в 1445 г. после сражения часть *води* была уведена Ливонским орденом в плен в Курляндию для постройки Бауского замка. Далее никаких сведений о *води* в Латвии не имеется. Ф. И. Видеман выдвинул, а затем и доказал гипотезу о том, народ, просуществовавший в Латвии вплоть до начала XIX в. под этнонимом *кревины*, – «потомки именно тех «попленных» Вотов, о которых говорит летопись и которых около 1445 г. Ливонские войска «приволокли» в свои земли после похода в Новгородские владения» (Видеман, 1872: 114).

Ф. И. Видеман в 1871 г. предпринял поездку на места, где в прошлом проживали *кревины*, и обнаружил, что *кревинский* язык уже окончательно вымер. Пожилые люди помнили несколько слов; в прошлом, когда язык был еще жив, миссионеры сделали небольшие записи. От *кревинского* языка остался корпус из 108 предложений, позволивший Видеману ответить на вопрос, кто такие *кревины*, откуда они попали в Курляндию, кто их ближайшие родственники.

Первым о *води* написал нарвский пастор Трефурт в XVIII в., который называет этот народ *чудью* (Trefurt, 1783; 1785). Трефурт записал водскую песню из восьми строк. Позднее эстонский исследователь Хупел предпринял лингвистический анализ приведенной Трефуртом песни и сделал вывод, что «ингерманландская *чудь* и эстонцы – братья» (Hupel, 1785). Немного позднее еще один пастор – Цетреус – называет *водь* по-шведски *Watländare*. Публикует его труд финский просветитель Портан (Porthan, 1802).

А. Шёгрэн, непродолжительно изучавший водский язык в одной из водских деревень, называет *водь* южной *чудью*, а *вепсов*, чей язык он считает родственным водскому, – северной *чудью* (Sjogren, 1833).

В 1856 г. А. Аלקвист, автор первого грамматического описания водского языка, писал: «В нескольких деревнях Ораниенбаумского и Ямбургского уездов Петербургской губернии живет малый народ, который по языку, обычаям и национальным костюмам отличается от своих финских и русских соседей. Сами они называют себя *Wadjalaiset*, финны называют их *Watjalaiset*, русские – *чудь* (*чудья*) и (в летописях) *водь*, а в финской и шведской истории они известны как *Woter*, *Watländare* (Ahlgqvist, 1856: I). Сам же он называет свой труд по-шведски «*Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning*».

В 1922 г. уроженец водского села Краколье, расположенного в самой западной части ареала распространения водского языка, Д. Цветков написал «Первую грамматику водского языка» (Д. Цветков не знал о существовании труда А. Аלקвиста, поэтому считал свою грамматику первой, см. Агранат, 2017). Никаких других лингвонимов он не использует. Этот же автор писал, что в начале XX в., если в водскую семью приходила молодая жена ижорка, все члены семьи, включая самое старшее поколение, начинали говорить по-ижорски. Это в конечном итоге приводило к вытеснению водского языка ижорским. Уже в начале XX в., по свидетельству Д. Цветкова, *водь* по-русски называла себя ижорцами, хотя по-водски самоназвание *vad'd'alaizõd* сохранилось. Водские девушки не поют о себе, что они –

“vad’d’ōlaizōd – on lustiD” (букв. ‘води красивые’), а поют по-русски: «Все ижорочки красивенькие» (Tsvetkov, 1925).

По данным словаря (Nirvi, 1971), материал для которого автор начал собирать задолго до его выхода, ижорцы, носители сойкинского диалекта, называли воду ‘vadelain’ и ‘vadikkain’. Этот диалект в меньшей степени контактировал с водским языком. В нижнелужском диалекте тот же словарь фиксирует названия ‘vadjalane’, ‘vad’d’alaine’. На нижней Луге водский и ижорский языки находятся в тесном контакте, нижнелужский диалект подвергся очень сильному водскому субстратному влиянию.

В 1929 г. Я. Я. Ленсу записывал тексты почти во всех деревнях ареала распространения водского языка. В деревне Ицепино им был, в частности, записан такой текст: “med’d’ie vātšēa kutsuas – vad’alaizet, a tara ili nurmi rannas on lüütüü raia-vad’a” (Ленсу, 1930: 286), букв.: «наш народ называется вожане, а на краю огорода или поля вбит межевой (пограничный) кол». Перевод в книге неточный и не отражает сути: «наш народ называется вадьялайзет, а на краях огорода и поля вбит пограничный кол – vad’ia» (Ленсу, 1930: 288). Очевидно, автор высказывания хотел показать омонимию: vad’ia – название народа и его языка, а также слово, означающее ‘кол’, ‘клин’². Существует версия, что этноним восходит к слову «клин», поскольку в древности вода в сражениях наступала клином.

В деревне Пумалицы, расположенной немного восточнее, Я. Я. Ленсу записал: “miä em ou virolaiset eikä tšudiat, miä õm talapantsit” – ‘Мы не эстонцы и не вода, а мы талапанцы’ (Ленсу, 1930: 271). Перевод также неточный, букв.: «мы не эстонцы и не чуди, а мы талапанцы». Последнее, конечно же, в прошлом уничижительный экзоэтноним, который стал со временем эндоэтнонимом.

Водский язык всегда оставался бесписьменным. Ижорский язык обрел письменность в начале 1930-х гг., в период языкового строительства. Его стали преподавать в школе и преподавали до 1937 г., когда учебники уничтожили, а авторов букваря расстреляли. Водских детей вместе с ижорскими обучали на ижорском как на родном языке. Происходило это только в крайне западных деревнях, где вода называла себя ижорой, а свой язык – ижорским. К востоку от этих деревень водских детей не обучали ижорскому языку.

Сейчас самые последние носители водского языка живут в западной части ареала, у впадения реки Луги в Финский залив, в других местах язык исчез в середине XX в. Когда в конце XX в. я впервые приехала к воде, все они по-русски называли себя ижорцами, а свой язык – ижорским, при этом они демонстрировали свое отличие от собственно ижорцев по языку, предъявляя в качестве диагностического контекста поговорку на обоих языках с различием в фонетике. По-водски прежнее самоназвание и название языка сохранялось. Только в самое последнее время с легкой руки исследователей некоторые, но не все, и на русском языке вернулись к самоназванию «вода».

В начале XX в. я была в деревне Пумалицы, где жила одна ижорская семья, переселенная после Второй мировой войны из прибрежного района вглубь материка. Они называли себя талапанцами, как и водские информанты Я. Я. Ленсу. В то время, когда там работал Ленсу, ижорцев в этой деревне не было. Этноним они переняли у воды, которой больше в этом ареале нет.

1.2. Ижорцы

Предки современных ижорцев на рубеже I–II тыс. н. э. ушли с Карельского перешейка, отделившись от других карел, и отправились на запад вдоль южного побережья Финского

² Ср. вода из водск. Vad’d’a «клин» (Фасмер 1986: 331) и чудь «саам. кольск. čutte, čut ... ср. Э. Итконен..., чье собственное сближение саам. слов с фин. suide «затычка, клин» не представляется мне убедительным» (Фасмер 1987: 379).

залива. К XII в. достигли сегодняшних мест проживания, где уже жила водь. Ижорцы расселились чересполосно с водью.

Старое самоназвание ижоры – *karjala* ‘карелы’ – сохранялось до середины XX в.; в текстах, записанных в то время от носителей, встречается только такой этноним (см., например, коллекцию текстов (Ariste, 1960)). Там же: раньше называли себя карелами, теперь, как правило, – ижорцами (Ariste, 1960: 57). Свой язык, как и другие прибалтийские финны, ижорцы называли *maa keeli* ‘язык земли’, а также *karjala* ‘карельский’. Именование ижорцами своего языка *karjala* фиксирует и словарь (Nirvi, 1971).

Водь в прошлом также называла ижорский язык *karjala* и *karjakko*, а ижорцев – *karjalainō*, это зафиксировано повсеместно, что отражено в словаре (Vadja, 2013). Этот же словарь фиксирует *izorilainō*, *izora*, но в очень ограниченном количестве населенных пунктов.

Сейчас этноним *karjala*, как и прежние названия языка, не используется. Наши информанты себя называли по-разному: *inkeriläin* ‘ингерманлонец’, *suomalain* ‘финн’, талапанцы. Свой язык они также называют по-разному: *izorin keeli* ‘ижорский язык’, *inkerin keeli* ‘ингерманландский язык’, *oma keeli* ‘собственный язык’, *suomen keeli* ‘финский язык’.

Начало исследованию ижорского языка положил в XIX в. финский лингвист в. Поркка (Porkka, 1885). Свой труд он назвал “Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte” («Об ижорском диалекте в сравнении с ингерманландско-финскими диалектами»), хотя ижорский диалект в заглавии в единственном числе, тем не менее дается обзор всех четырех еще живых на тот момент ижорских диалектов. Другого названия этого идиома В. Поркка не использует.

Еще в середине XX в. финские лингвисты не признавали за ижорским статус самостоятельного языка и пользовались термином «ижорские диалекты», правда, не уточняли, какого языка. Исследовавший этот идиом с 1960-х гг. эстонский лингвист А. Лаанест, настаивал на том, чтобы считать его самостоятельным языком; такая точка зрения утвердилась в науке.

На происхождение этнонима «ижора» и названия Ингерманландия есть несколько точек зрения.

В 1220 г. в хрониках Генриха Латыша эта территория впервые называется Ингария, а ее жители – ингарос. Позже земля стала называться Ингерманландия; у русских Ижора, Ижера – в летописях 1240–1241 гг.; у шведов и немцев – Ингерманланд.

Р. А. Агеева считает, что современный этноним связан с названием притока Невы – реки Ижоры (прибалтийско-финское название реки – Инкерийоки, букв.: река Инкери), на которой они жили раньше (Агеева, 2002: 75). Она опирается на мнение археолога В. В. Седова о том, что в XIII в. ижорцы стали продвигаться от реки Ижоры на запад (Седов, 1953). По этой гипотезе, Ингерманландия получила свое название от имени племени ижора, которое, в свою очередь, получило наименование от реки Ижоры. Некоторые исследователи (например, Сарессало, 2003) считают, что объяснение, связанное с названием реки, является более достоверным.

По другой версии, выдвинутой А. Шёгреном, киевский князь Ярослав Мудрый, женившись в 1019 г. на дочери шведского короля Олофа Скотконунга Ингегерде, подарил ей на свадьбу район Старой Ладogi с окрестностями. Таким образом, сначала именем его владелицы были названы окрестности этого города, а впоследствии, с расширением территории, так стала называться и вся местность (Sjogren, 1833). М. Фасмер поддерживает точку зрения А. Шёгрена как наиболее аргументированную (Фасмер, 1986: 119). В пользу второй версии, видимо, говорит и тот факт, что этноним *karjala*, как показано выше, сохранялся вплоть до недавнего времени, а более позднее название (и самоназвание) – ‘ижорцы’, судя по всему, и означает «жители Ингерманландии». То есть не область получила название по этнониму, а наоборот. Еще один аргумент в пользу этой последней версии – название ингерманландских финнов, о которых речь пойдет ниже.

Помимо исторически засвидетельствованных ижорских диалектов, распространенных на территории Ингерманландии, недавно стало известно, что до середины XX в. по-ижорски говорили в нескольких деревнях на побережье Чудского озера. В литературе до сих пор не упоминалось, что ижорский язык был распространен в Псковской области. Установить диалектную принадлежность этого уже вымершего идиома вряд ли возможно. Автору удалось сделать небольшое количество аудиозаписей от последнего информанта, который в детстве покинул родные места и с трудом вспоминал язык (Агранат, 2019). Свой язык он называл ижорским, и собранный языковой материал это подтверждает.

1.3. Ингерманландские финны

После заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора южное побережье Финского залива отошло к Швеции, и шведский король предпринял попытку обратить население завоеванной территории в лютеранство. Последнее вызвало массовый отток вглубь России не только славян, но также води и ижоры, которые, хотя и продолжали соблюдать многие языческие обряды, к этому моменту давно уже были православными, ср. «Будучи соседями, а позднее и подданными новгородцев, водь принимали участие в бесконечных битвах, которые русские постоянно вели на их территории, пока, наконец, построив в 1280 г. крепость Копорье (финск. *Koprio*), на долгие времена не утвердили свое господство на южном побережье Финского залива, что способствовало распространению православия среди водского и ижорского населения» (Ahlqvist, 1856: I). После того как Ингерманландия вновь отошла к России, некоторые из переселенцев вернулись.

На освободившееся место с северного побережья Финского залива переселились финны. Среди переселенцев были две этнические группы: савакот и эуримейсет, происходившие из разных мест: *Savo* и *Euguruu*, соответственно, и говорившие на разных идиомах. Видимо, впервые сведения об этих идиомах представлены в (Porkka, 1885). В. Поркка пользуется названиями «савакот» и «эуримейсет» и общим названием «ингерманландско-финские диалекты». Эти две этнические группы различались еще в первой половине XX в., по крайней мере, савакот упоминаются в (Прыткова, 1930 и Габе, 1930).

В результате переселения савакот и эуримейсет в одни и те же деревни произошло смешение этнических групп и их идиомов; эти названия полностью вышли из обихода и утратились. В настоящее время сохраняется только общий для всех экзоним – «финны-ингерманландцы» или «ингерманландские финны», по-фински – *inkerilaiset* ‘ингерманландцы’, ‘жители Ингерманландии’, т. е. этноним происходит из названия территории. Сами же себя они называют просто финнами, а свой язык – финским. Наши респонденты сказали, что считают финнов, живущих в Финляндии, родственным народом, но, однако, не отождествляют себя с ними.

2. Номинация и престиж

В ходе социолингвистического обследования в Ингерманландии, в частности, задавался респондентам вопрос: «Какие национальности живут с вами по соседству?»

Ответы были следующими. Все респонденты-финны называли ижорцев, однако только некоторые их вспомнили сами, а некоторые – по подсказке; не исключено, что под ижорцами понималась, в частности, и водь. Что касается води, их называли только 47 % финнов, а половина сказала, что никогда ничего о таких не слышала. Водь знает ижорцев и финнов, ижорцы знают финнов, половина респондентов-ижорцев называли водь, некоторые представители води считают себя ижорцами. Ответ на этот вопрос интересен с точки зрения престижности языка и этноса соседей.

А. Аלקвист писал о води: «Этому народу, численность которого в 1848 г. (по материалам Кёппена) составляла всего лишь 5 148 человек обоего пола, в прежние времена

принадлежала большая часть Ингерманландии, поэтому, когда эти земли постепенно перешли под власть Новгородской республики, была образована Водская пятина» (Ahlqvist, 1856: I). П. И. Кёппен впервые собрал точные сведения о численности водского населения – в 1848 г. всего было 5 148 человек, и проживали они в 32 деревнях (Кёппен, 1851). По данным того же исследователя, ижорцев в то же время было 17 800 чел. (Körpen, 1867). Возможно, из-за численного превосходства ижорцев ижорский язык вплоть до начала XX в. был лингва франка при общении ижоры и води. Представляется, что последнее и послужило причиной, а не следствием роста престижа ижорского языка по сравнению с водским. Бывают ситуации, когда в качестве лингва франка выбирается язык с большим престижем, но в данном случае у ижорского языка не было никаких преимуществ, кроме числа носителей. Как было показано выше, это способствовало не только изменению лингвонима, но и вытеснению водского языка ижорским.

В конце XX в. при общении води и ижоры кодовое переключение происходило только на ижорский язык из-за большего престижа последнего (подробнее см. Агранат, 2020).

Языковые контакты между водью и ижорой были интенсивными, так как браки между ними были частыми, поскольку этносы были близки не только в языковом, но и в конфессиональном отношении: и те и другие – православные, в отличие от ингерманландских финнов, сохранявших лютеранство и редко вступавших в межконфессиональные браки. Финны держались достаточно обособленно.

В Ингерманландии финские школы открылись уже с XVIII в., на столетие раньше, чем в Финляндии. Вплоть до 1930-х гг. на территории Ингерманландии работали финские школы, избы-читальни, библиотеки, выходила периодическая печать (в 1925–1937 гг. около 20 журналов и альманахов) и издавалась литература, действовали приходские церкви. В результате национальной политики, проводимой в последующие годы, сфера действия финского языка искусственно была ограничена и сведена к узкобытовой. В остальных сферах функционировал только русский язык (Елисеев, Коппалева, 2005). Возможно, в прошлом значительно более высокая функциональная развитость ингерманландского финского, по сравнению с языками соседей, способствует его высокому престижу для его носителей, позволяя последним не замечать языков, распространенных в ближайших от них деревнях. Возможно, надо еще учитывать, что престижность языка часто повышается при использовании его в качестве государственного в другой стране, хотя, как указывалось выше, наши респонденты считают финнов, живущих в Финляндии, родственным народом, но, однако, не отождествляют себя с ними.

3. Топонимика Ингерманландии

Все деревни в Ингерманландии имеют по два названия: одно употребляется при разговоре на автохтонном языке, другое – при разговоре по-русски. Соотношение этих топонимов можно разделить на несколько групп. Во-первых, это кальки, их совсем немного:

Savvokkala (водск.) – Савикино (рус.),

Sudela (ижорск.) – Волково (рус.),

Rajo (водск.) – Межники (рус.).

В нескольких случаях при калькировании не совпадает число:

Kotko (ижорск.) ед. ч. – Орлы (рус.) мн. ч.,

Kattila (водск.) ед. ч. – Котлы (рус.) мн. ч.,

Kukkuzi (водск.) ед. ч. – Куровицы (рус.).

Встречаются полукальки: Ülä-Luuska (ижорск.) – Верхние Лужки (рус.), в этом топониме первая часть калькирована, вторая – передает русское слово фонетическими средствами ижорского языка. В названиях Ühimägi (ижорск.) – Красная Горка (рус.)

и Venakontsa (ижорск.) – Вотский конец (рус.) соответствуют друг другу только вторые части: *mägi* ‘гора’ и русское заимствование *kontsa* ‘конец’. Ижорский топоним Ojankülä (букв. «деревня ручья») в русском варианте – Ручьи, аналогично построена пара Liivtšülä (водск. букв. «песчаная деревня») – в русском варианте Пески.

В нескольких парах топонимов к одинаковым топоосновам присоединяются разные топоформанты:

Koskisenkülä (ижорск.) – Косколово (рус.),
Lentisi (ижорск.) – Лендовщина (рус.),
Murdove (ижорск.) – Мурдовщина (рус.),
Tentölä (ижорск.) – Тентелево (рус.),
Pondizõõ (водск.) – Понделово (рус.),
Rudja (водск.) – Рудилово (рус.),
Feodermaa (финск.) – Федоровка (рус.),
Hamala (ижорск.) – Гамолово (рус.),
Pummala (водск.) – Пумалицы (рус.),
Harkola (ижорск.) – Старое Гарколово (рус.),
Kõrvõttula (водск.) – Корветино (рус.),
Logove (ижорск.) – Логи (рус.).

Часть топонимов заимствована без изменений как в русский, так и из русского:

Kandokülä (ижорск.) – Кандокюля (рус.),
Kolgomppää (ижорск.) – Колгомпя (рус.),
Sürjä (ижорск.) – Сюра (рус.),
Järvemperä (финск.) – Ярвемперя (рус.),
Miinala (ижорск.) – Минала (рус.),
Nizovka (ижорск.) – Низовка (рус.),
Novinka (ижорск.) – Новинка (рус.),
Ožerešno (ижорск.) – Озерешно (рус.),
Tšäštšä (ижорск.) – Чаша (рус.).

При заимствовании как из автохтонных языков в русский, так и наоборот, в некоторых топонимах адаптируется фонетика, в некоторых – меняются топоформанты, иногда трудно разделить одно явление от другого. В некоторых случаях направление заимствования очевидно, в то время как в других не столь прозрачно:

Koskina (ижорск.) – Кошкино (рус.),
Koloka (ижорск.) – Головкино (рус.),
Olhovets (ижорск.) – Ольховцы (рус.),
Ropsu (ижорск.) – Ропша (рус.),
Iivanaisi (водск.) – Ивановское (рус.),
Kliimettina (водск.) – Климотино (рус.),
Kozlova (водск.) – Козлово (рус.),
Viipia (финск.) – Выбье (рус.),
Viertöve (финск.) – Вердеево (рус.),
Tolkki (финск.) – Долгое (рус.),
Viistina (ижорск.) – Вистино (рус.),
Voloitsa (ижорск.) – Валяницы (рус.),
Kerstova (водск.) – Керстово (рус.),
Kikeritsa (водск.) – Кикерицы (рус.),

Luuditsa (водск.) – Лужицы (рус.),
Matti (водск.) – Маттия (рус.),
Muukkoiva (водск.) – Мукково (рус.),
Pihlaala (водск.) – Пиллово (рус.),
Undova (водск.) – Ундово (рус.),
Velikkä (водск.) – Великино (рус.),
Itsepäivä (водск.) – Ицепино (рус.).

И наконец, большая группа пар топонимов, вообще никак не соответствующих друг другу. При этом внутренняя форма может быть прозрачна в обоих названиях:

Vanakülä (ижорск. букв. «старая деревня») – Илькино (рус.),
Jarvikoištšülä (водск. букв. «деревня озерца») – Бабино (рус.),
Laukaansuu (ижорск. букв. «устье Луги») – Остров (рус.).

В некоторых парах внутренняя форма видна только в русском топониме:

Taatsoi (ижорск.) – Семейское (рус.),
Tarinaisi (ижорск.) – Андреевщина (рус.),
Tieriiigola (ижорск.) – Малая Ижора (рус.),
Koskove (ижорск.) – Ломоносово (рус.),
Somero (ижорск.) – Стремление (рус.),
Huurala (ижорск.) – Шишкино (рус.),
Mättähä (ижорск.) – Горки (рус.),
Pärspää (ижорск.) – Липово (рус.),
Sädinä (ижорск.) – Слободка (рус.),
Hirstkontu (ижорск.) – Липово (рус.),
Mahu (водск.) – Подмошье (рус.).

Иногда внутренняя форма видна только в автохтонных топонимах: Joenperä в ижорском варианте, в водском – Jõgõperä, поскольку население деревни смешанное водско-ижорское (букв. «за рекой») – Краколье (рус.); Kangaspää (ижорск. букв. «поверхность ткани») – Новое Калище (рус.). В ижорском названии Vääskülä прослеживается топоформант со значением ‘деревня’, русский вариант – Старое Калище.

Внутренняя форма может быть затемнена в обоих названиях:

Naaviko (ижорск.) – Кейкино (рус.),
Nevaha (ижорск.) – Коваши (рус.),
Hjasta (ижорск.) – Новое Гарколово (рус.),
Saarove (ижорск.) – Югантово (рус.),
Lempola (водск.) – Раннолово (рус.).

При этом русские топонимы, скорее всего, имеют автохтонное происхождение.

Заключение

Малые языки, благодаря неизбежным контактам с соседями, дают обширный материал для исследования путей изменения и дрейфа названий этносов и их языков, позволяют проследить типологию таких изменений. Кроме того, для многих из них характерно параллельное использование нескольких лингвонимов и этнонимов, в том числе и эндоэтнонимов, что вряд ли возможно для больших этносов и их языков.

- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987.
- Шлыгина Н. В.** Водь // Тишков В. А. (ред). Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 126–127.
- Ahlqvist A.** Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. VI. Helsingforsiae, Helsingfors, 1856.
- Ariste P.** Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. T. V. Tallinn. P. 7–68.
- Hupel A. W.** Kurze Anmerkungen über die in Ingermanland begindlichen Tscuden // Nordische Miscellaneen. 9-tes und 10-tes Stuk. Riga. 1785. 8, S. 325–335.
- Köppen P.** Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg, 1867.
- Nirvi R. E.** Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.
- Porkka V.** Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Porthan H. G.** Något om Watländarenas seder // Åbo Tidning № 65 (August 18). 1802. в. 1–3.
- Sjogren A. S.** Ueber die Finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg. VI Serie. Sciences Politiques, Histoire et Philologie. T. II. 1834, p. 123–241. St. Petersburg, 1833.
- Trefurt Fr. L. Von den Tschuden** // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. I Band. Riga, 1783.
- Trefurt Fr. L.** Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. II Band. Riga, 1785.
- Tsvetkov D.** Vadjalased // Eesti keel. IV. 1925. P. 39–44.
- Vadja keele sõnaraamat. Tallinn, 2013.

Агранат Татьяна Борисовна.
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, г. Москва, 125009.
E-mail: tatiana.agranat@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2022 г.

T. B. Agranat

INGRIAN NOMENCLATURE: ETHNONYMS, LINGUONYMS AND TOPONYMS

The article examines the nominations of three minor, closely related Baltic-Finnic languages that have long been in contact with one another and are widespread in Ingria, the historical part of the Leningrad region. Both synchronic and historical names are described, their origin is traced, and the causes of certain names being replaced by others or existing simultaneously with other names are given. The models of transformation and drift of ethnic group and their languages are investigated. Historical sources, dictionaries that contain various synchronic sections, texts previously recorded by researchers of these languages, and the author's own data obtained during her fieldwork with native speakers of these idioms are examined.

In addition to language nominations, the article pays attention to the toponyms of Ingermanlandia. All the villages there have two names: one is used when speaking the indigenous language, the other is used when speaking Russian. The relations of Baltic-Finnish and Russian toponyms are classified. The conclusion is made that the coexistence of parallel toponyms – in the indigenous and Russian languages – demonstrates the preservation of ethnic identity, despite the impeding conditions. Small languages, due to the inevitable contacts with neighbors, provide extensive material for the study of the processes of change and drift of the names of ethnic groups and their languages, allowing to trace the typology of such changes.

Keywords: *minority languages, ethnonyms, linguonyms, toponyms, the Votic language, the Ingrian language, language of Ingrian Finns.*

References:

- Ageeva R. A.** Izhorskij jazyk [The Ingrian language] // V. P. Neroznak (ed.) Jazyki narodov Rossii. Krasnaja kniga. Entsiklopedicheskij slovar'-spravochnik. Moscow, 2002. P. 75–79.

- Agranat T. B.** (ed.) Dve pervyje grammatiki vodskogo jazyka [Two first grammars of the Votic language]. Saint-Petersburg, "Nestor-Istoria", 2017.
- Agranat T. B.** Izhorskij – heritazhnyj jazyk V. I. Rassadina [Ingrian is the heritage language of V.I.Rassadin] // Aktualnyje problemy mongolovednyh i altaisticheskikh issledovanij. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Elista, 2019. P. 423–424.
- Agranat T. B.** Kontakty v Ingermanlandii v pr'amom nabludenii [Contacts in Ingria in direct observation] // Rodnoy jazyk. Linguistic Journal, 2020, № 1. P. 172–189.
- Ahlqvist A.** Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. VI. Helsingforsiae, Helsingfors, 1856.
- Ariste P.** Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. T. V. Tallinn. P. 7–68.
- Fasmer M.** Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. V. I. Moscow, 1986.
- Fasmer M.** Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. V. IV. Moscow, 1987.
- Gabe R.M.** Materialy po narodnomu zodchestvu zapadnyh finnov leningradskogo okruga [Materials on folk architecture of the Western Finns of the Leningrad District] // Zapadno-finskij sbornik. Leningrad, 1930. P. 107–162.
- Hupel A. W.** Kurze Anmerkungen uber die in Ingermanland befindlichen Tschuden // Nordische Miscellaneen. 9-tes und 10-tes Stuk. Riga. 1785. 8. P. 325–335.
- Jeliseev Ju. S., Koppoleva Ju. E.** Finskij jazyk [The Finnish language] // Jazyki Rossijskoj Federatsii i sosdnih gosudarstv. Entsiklopedija. V.3. Moscow, 2005.
- Köppen P. I.** Vod' i vodskaja p'atina [The Votian people and the Votic pyatina]. Saint-Petersburg, 1851.
- Köppen P.** Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg, 1867.
- Lensu J. J.** Materialy po govoram vodi [Materials on Votic subdialects] // Zapadno-finskij sbornik. Leningrad, 1930. P. 201–305.
- Nirvi R. E.** Inkeroismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.
- Porkka V.** Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Porthan H. G.** Något om Watländarenas seder // Åbo Tidning № 65 (August 18). 1802. B. 1–3.
- Prytkova N. F.** Odezhdaz izhor i vodi. Iz materialov severo-zapadnoj ekspeditsii 1926–28 godov [Clothes of Ingrians and Votes. From the materials of the North-western Expedition of 1926–28] // Zapadno-finskij sbornik. Leningrad, 1930. P. 306–340.
- R'abinin E. A.** Vodskaja zemlja Velikogo Novgoroda [The Votic land of Great Novgorod]. Saint-Petersburg, 2001.
- Saessalo L.** Ingermanlandija: rasskaz o narodah i kulture Ingermanlandii [Ingria: a story about the peoples and culture of Ingria]. Tampere-Saint-Petersburg, 2003.
- Sedov V. V.** Etnicheskij sostav naselenija severo-zapadnyh zemel' Velikogo Novgoroda (IX–XIV vv.) [Ethnic composition of the population of the north-western lands of Great Novgorod (IX–XIV c.)] // Sovetskaja arheologija XVIII, Moscow, 1953. P. 207–214.
- Shlygina N. V.** Vod' [The Votian people] // Tishkov V. A. (ed.) Narody Rossii. Entsiklopedija. Moscow, 1994. P. 126–127.
- Sjogren A. S.** Ueber die Finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg. VI Serie. Sciences Politiques, Histoire et Philologie. St. Petersburg, 1833. T. II. 1834. P. 123–241.
- Trefurt Fr. L.** Von den Tschuden // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. I Band. Riga, 1783.
- Trefurt Fr. L.** Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. II Band. Riga, 1785.
- Tsvetkov D.** Vadjalased // Eesti keel. IV. 1925. P. 39–44.
- Vadja** keele sõnaraamat. Tallinn, 2013.
- Videman F. I.** O proishozhdenii i jazyke vymershih nyne krevinov [About the origin and language of the now extinct Crevins]. Saint-Petersburg, 1872.

Agranat Tatiana Borisovna.

Doctor of philology, leading researcher.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovskij lane, 1, build.1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: tatiana.agranat@iling-ran.ru